

Ольга Лагунова

Русскоязычный писатель в России последней трети XX века: стратегии рефлексии феномена

Возможность рефлексии материала в поколенческом аспекте была ясно заявлена в известных работах Б.Л. Комановского, монографиях Р.Г. Бикмухаметова «Орбиты взаимодействия» и А.В. Пошатаевой *Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие)*, а также авторами словаря *Литературы народов России: XX век*. Специалисты справедливо утверждают, что «необходима разработка специфических этнолитературоведческих методов», что «этнолитературоведение может способствовать развитию и современному становлению младописьменных литератур»¹. Этнофилологический подход к художественному произведению предполагает системное выявление и изучение всех эстетических элементов и решений, которые выражают акцентированную автором личную идентичность с определенной моделью ценностного устройства мира, проверенной и подтвержденной жизнью реального народа, обозначенной в тексте в качестве «своего» и отграниченного от иной («чужой») ценностной модели.

Вопрос о русскоязычности творчества писателей сложен, проблемен и может иметь совершенно разные решения. Первое решение: творчество этих писателей – элемент русской литературы. Например, известный специалист по русской прозе второй половины XX века Т.Л. Рыбальченко на основании языкового фактора вписывает в ее состав Ч. Айтматова и В. Быкова². Эту же позицию отстаивает С.П. Залыгин, говоря о писателях, пришедших «в русскую литературу из другого языка»³. Второе решение: это феномены пограничного характера, образующие «весьма значительный пласт советской литературы» или «художественный дискурс «пограничного» типа». Данное решение

¹ Г.Н. Ионин, *Миф и новый замысел Ю. Шесталова*, [в:] *Литература народов Севера*, вып. 2, Санкт-Петербург 2003, с. 22.

² Т.Л. Рыбальченко, *Поиск метафизической картины мира в русской литературе 1950–1980-х годов*, [в:] *Проблемы метода и жанра*, вып. 19, Томск 1997, с. 287, 288.

³ Ч.Г. Гусейнов, *Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня*, Москва 1988, с. 362–363.

предлагает Н.Л. Лейдерман⁴. Третье решение: талант писателя – это «загадочная субстанция» и в каждом отдельном случае должна рассматриваться вся возможная комбинация факторов: этническое происхождение, язык творчества, страна проживания, тематическая направленность и адресат текста, историко-культурная специфика страны и т.д. Нет и не может быть одного конституирующего ситуацию признака – так, анализируя целый перечень литературных фактов, полагает М.Г. Соколянский⁵. Четвертое решение: если речь идет о художественном творчестве, то язык служит лишь инструментом, средством ценностно-эстетической деятельности автора в акте создания неповторимого словесного целого: «лингвистика... начинает занимать совершенно неподобающее ей руководящее место, почти то самое, которое должна занять общая эстетика»⁶. Данное четвертое решение представляется автору исследования методологически наиболее точным.

Именно отсчет языковой ситуации от субъекта деятельности, отсчет ситуации изнутри этого субъекта в рамках феноменизирующей парадигмы свидетельствует, что русский язык воспринимается мастерами слова послевоенного поколения, например ненцев и хантов, как второй родной язык, а не как «чужой» или «язык победившей культуры». Он осваивался с детства, в интернате, где ненцы и ханты обучались совместно. Открывающийся и расширяющийся для ребенка мир опредмечивался и становился своим именно через этот язык. Не случайно Ю. Вэлла подчеркивает, что выбор русского языка – это не выбор чистой модели определенного языка, а это рожденный процессом жизни «ненецко-хантыйско-русский язык в ненецко-хантыйско-русской форме», поэтому данный феномен имеет не собственно лингвистическую природу. Кроме того, осуществляя возможность и право говорить от имени своего народа, субъект творчества, как шаман, не допускает в акт общения с высшими силами переводчика: в зоне творческого полета исключается опосредование и корректирование. Мера ответственности за результат с годами в сознании мастера только возрастает, и потому для него важна именно непосредственность личного высказывания. Зависимость слова предыдущих поколений национальных мастеров от качества работавших с ними переводчиков была наглядной, жесткой, иногда конфликтной и даже компрометирующей. Закономерно, что, осознавая свою новую миссию, художники того же послевоенного поколения изначально избегали обременительности данного пути. Сакральность творчества национального мастера, осознание первичности его высшего предназначения на фоне организационной опеки предыдущих поколений требовала полной и предельной самодостаточности субъекта в акте порождения текста. Возможность через русский язык достигнуть

⁴ Н.Л. Лейдерман, *Русскоязычная литература – перекресток культур*, [в:] *Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, вып. 8, Екатеринбург 2005, с. 49, 58–59.

⁵ М.Г. Соколянский, *О признаках национальной атрибуции литературного творчества*, [в:] *Русская литература XX-XXI веков*, указ. соч., с. 59–76.

⁶ М.М. Бахтин, *К вопросам методологии эстетики словесного творчества. 1. Проблемы формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве*, [в:] *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 1, Москва 2003, с. 269.

сознания всех своих родственников, живущих в различных концах мира, послать им весть о жизни и вере, сделать это поверх барьеров диалектной раздробленности национальных языков – также сущностный мотив выбора художником способа коммуникации.

Научную парадигму советской цивилизации мы предлагаем именовать универсализирующей, новую становящуюся парадигму – феноменолизирующей. Каждая из парадигм строится на ряде априорных допущений. Для универсализирующей парадигмы – это базисность марксистско-ленинской идеологии, подмена «национального духа» «национальной формой», непрерывная устремленность всех национальных литератур к общности и единству, установление нескольких произведений в качестве образцов-ориентиров для всех субъектов творческой деятельности, отождествление нации и народности с наличием самостоятельного «эстетического центра», возможность управляемого «выравнивания национальных литератур». Универсализирующая тенденция исходит из теории активности и первенства содержания, которое лежит в плоскости единства «социалистического», являющегося «главным направлением развития» искусства слова, над формой, которая должна быть многообразной и «национальной», что допустимо в силу ее меньшей активности и вторичности. В рамках универсализирующей парадигмы возникали идеи и проекты, содержавшие иную теоретическую и практическую заявку. К ним следует отнести концепцию «конкретного литературоведения», предложенную в 1980 г. Д.С. Лихачевым и имевшую очевидно полемический характер: «Оно стремится к доказательности своих выводов, а не к конструированию гипотез или генерированию идей, столь иногда распространенных в нашей науке»⁷. Ученый соединяет принципы охраны литературного текста, комплексности и целостности культуры этноса, важности прояснения в сфере национального оппозиции «идеал/антиидеал» с методикой «медленного чтения» и необходимостью давать частные объяснения частным же явлениям литературы⁸. Создавая концепцию «национального образа мира», открыто полемичен к эстетике национальной формы был и Г.Д. Гачев: важны «истинно глубокая мысль и величие души», а «не важна национальная форма»⁹. Гачев утверждал, что каждая культура есть «одновременно – и объект, и инструмент анализа», то есть смена объектов будет способствовать постоянному обновлению и уточнению методологии и инструментария анализа, поэтому «однородности и внешнего единства» в терминологии не будет и добиваться их не нужно. Он выявил связь категории и чувства бессмертия с понятием «народ», показал действенность и целостность их в сознании субъекта, развернул проблему эстетики социалистического реализма в направлении научной рефлексии конкретных представителей народов страны, своеобразия их культурных традиций, набора и связи смыслов, привычных для них¹⁰. Гачев поставил проблему писателя – «выходца из малого народа» как проблему

⁷ Д.С. Лихачев, *О конкретном литературоведении*, [в:] *Избранные работы в 3 т.*, т. 3, Ленинград 1987, с. 125.

⁸ Д.С. Лихачев, *Земля родная*, Москва 1983, с. 78–79.

⁹ Г.Д. Гачев, *Национальные образы мира*, Москва 1988, с. 23, 42.

¹⁰ Там же, с. 8, 21, 29, 38–39, 53.

отдельную, специальную и общезначимую, он предложил подход к ней как к «высокой трагедии», как к ситуации жизни/смерти, как к ситуации «на пороге» (термин М.М. Бахтина).

Руководитель сектора советской многонациональной литературы в ИМЛИ Н.С. Надъярных в ходе «круглого стола» конца 1980-х годов¹¹ признала отсутствие в академической среде научно обоснованного понятия «национальная литература» применительно к литературам народов СССР: «Иногда ведь это один-два писателя». В ходе дискуссии было предложено создавать «перфокарту на каждого писателя», «каждого... в отдельности «моделировать», вместо того, чтобы стремиться к однозначным ответам...» (У. Берзиньш)¹². «Человеческий статус национального самосознания» – вот что сегодня проговаривается в качестве новой точки опоры и отсчета для изучения искусства слова¹³. Устремления историков и теоретиков полиэтнического российского искусства не случайно пересекаются в координатах бахтинской эстетики словесного творчества (Г.А. Белая, Г.Д. Гачев, Ч.Г. Гусейнов, К.К. Султанов и др.). Во-первых, именно концепция Бахтина ставит в центр внимания проблему ценностей и ответственности авторского сознания. Во-вторых, она содержит искомое сочетание ценностей трех порядков (этического, религиозного и эстетического) и базируется на этом сочетании. В-третьих, она связана со «старинной интуицией формы как умирания»¹⁴.

В силу того что младописьменные литературы Севера, как никакие иные национальные литературы России, тесно и прямо ориентированы на дописьменную традиционную культуру (то есть миф и фольклор), их изучение в этнопоэтическом аспекте оправданно, перспективно и даже удобно. Не случайно связь младописьменных литератур Севера именно с фольклором не только в первую очередь фиксировалась специалистами, но и изучалась в качестве главного пути к постижению своеобразия этих литератур и конкретных текстов их мастеров. В частности, это характерно для известных работ А.В. Пошатаевой. Она предложила четкую формулу, характеризующую «представителей самых молодых литератур»: «Их творчество целиком связано с жизнью народов, из среды которых они вышли»¹⁵. В формуле значим элемент «целиком». Отсюда проистекает отождествление голоса народа и голоса художника в исследованиях по младописьменным литературам. Однако подобное отождествление зачастую встречается и когда речь идет вообще о литературах малочисленных народов России. Это свидетельствует, что в основании отождествления лежит не понимание специфики эстетики словесного

¹¹ *Национальные культуры и межнациональные отношения: «Круглый стол», «Вопросы литературы» 1989, № 10, с. 30–31, 35.*

¹² К.К. Султанов, *Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы*, Москва 2001, с. 25–26.

¹³ К.Г. Исупов, *Смерть Другого*, [в:] *Бахтинология: исследования, переводы, публикации*, Санкт-Петербург 1995, с. 110–111.

¹⁴ А.В. Пошатаева, *Литература и фольклор (Взаимодействие современных литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с устным народным творчеством)*, Москва 1981, с. 51.

¹⁵ С.В. Лурье, *Историческая этнология*, Москва 1998, с. 224–225.

творчества младописьменных литератур Севера, а инерция универсализирующей научной парадигмы, то есть типовое решение научной задачи.

В качестве реалий становления новой парадигмы следует рассматривать ввод в научный оборот и учебную литературу таких понятий, как «этнопоэтика» (В.Н. Захаров, И.А. Есаулов), «константа» (Ю.С. Степанов), «этнопоэтическая константность» (В.М. Гацак), «ипостасность» (Г.Н. Ионин); подходы к региональному топосу как «тексту» (В.В. Абашев); смену именованного предмета исследования: вместо «младописьменные литературы» – «литературы фольклорной традиции» (С.Ж. Балданов); анализ стадий литературного развития и художественных систем через категории «космос/хаос» (Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий и др.).

Феноменализирующая научная парадигма исходит из самоценности и уникальности изучаемых явлений, сложности и многофакторности их генезиса, органичности и фазности их развития. Данный образ объекта рефлексии потребовал комплексного анализа объекта и окружающих его сфер при решении даже узкоспециальных задач, обязательной корректировки привычных типовых операций переноса результата исследования одних явлений на аналогичные им. Он обусловил необходимость поиска и постоянного уточнения методик изучения смежных проблемных областей и соответствующих им отраслей знания, повышенного внимания к возможностям опосредованных воздействий на предмет изучения. Возникло стремление к познанию мини-объектов, полиструктурности явлений, к базовому детальному описанию объекта и лишь затем его аналитическому препарированию. В результате порождается достаточно широкий спектр аналитических инструментов, ценность которых измеряется не частотностью их использования, а пригодностью и эффективностью для решения конкретных практических задач, какими бы частными они порой ни казались на первый взгляд. Воля субъекта в данной парадигме мыслится как принципиально свободная и определяющая, на этом базируется ее творческая потенция.

Модель метода «большой» советской литературы содержала удобную для освоения и трансляции схему, практически совпадающую с выделяемым специалистами набором этнических констант. Она предусматривала, предусматривала носителя добра (это свой народ и автор как его полноправный представитель), носителя зла (образ чужого, врага), а также обязательность и неизбежность победы добра над злом с примерным перечнем путей достижения победы¹⁶. Так как сознание мастеров слова младописьменных литератур Севера ориентировано на традиционную культуру, данная схематизация была для них удобна, понятна, она проверялась опытом дописываемой культуры народа, потому не отторгалась и принималась. Советская цивилизация приветствовала и стимулировала в субъектах творческой деятельности, в мастерах слова первостепенность таких параметров, как сознание и самосознание художника, его долг перед своим народом, связь этики и эстетики, необходимость высокого мобилизирующего слова для практики народной жизни, судьбоносность и прогностичность знакового мышления, веру в динамичность жизни, которая если организована неправильно, то может и будет

¹⁶ С.В. Лурье, *Историческая этнология*, Москва 1998, с. 224–225.

в перспективе изменена, преобразована на справедливых началах. Не принимать и не разделять данную программу у писателя из малочисленного народа не было оснований, потому что, по логике ее, временное зло будет побеждено.

При становлении литературной культуры народа наиболее действенной пружиной и формой «договора» являются мифорелигиозные верования. Они замещают неоформленность отношений между автором и читателем в традиции, создают первичное, надежное, проверенное временем и жизненной практикой поле культурного взаимодействия автора с силами, вдохновляющими его на творчество, выступающими факторами религиозного покоя творца в акте эстетического созидания. Этнопоэтика представителей традиционных культур объяснимо стимулируется желанием жить и «перемещаться в освященном мире, т.е. в священном пространстве», поэтому и поэтика текста у них – это преимущественно «технические приемы ориентации, которые в конечном итоге являются приемами построения священного пространства». «Священное» же понимается как «реальное в его совершенстве, это одновременно и могущество, и действительность, и источник жизни, и плодородие»¹⁷. Национальная литература служит здесь способом «противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, существует реально, всему остальному – бесформенной протяженности окружающей это священное пространство». Следовательно, она должна быть космосообразующей и онтологической по природе, ведь «проявление священного онтологически сотворяет мир»¹⁸. Так проблема своего как эстетического предмета, отграниченного от чужого и превращающегося в целостность произведения, становится стержневой для внутреннего оправдания и движения литературы, для ее телеологичности.

Существующим на сегодняшний день в отечественной и западной филологии концепциям социалистического выбора (Н.Н. Воробьева, С.М. Хитарова и др.), ускоренного развития по европейской модели (Н.В. Цымбалистенко), колониального вызова (В.В. Огрызко) и колониальной адаптации (М.А. Литовская), мифоутопической компенсации (Д. Самсон) и вынужденного опыта (Г.И. Данилина, Е.Н. Эртнер) нами полемически противопоставляется концепция посвященности художника¹⁹. Посвященность – это аксиоматическое и осознанное право творческого субъекта вести ответственный диалог именно с богами территории проживания своего народа от имени всех, для кого эта земля и это слово свои. Не случайно русскоязычные писатели первого послевоенного поколения тех же ненецкой и хантыйской литератур продолжали, закрепили и развили в 1980–1990-е годы опыт именно онтологических исканий российской культуры. Они доказали его матричность, плодотворность и эстетическую перспективность, причем сделали это органично, оригинально.

¹⁷ М. Элиаде, *Священное и мирское*, Москва 1994, с. 26.

¹⁸ Там же, с. 22.

¹⁹ О.К. Лагунова, *Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века* (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги), Тюмень 2007.

Литература

- Бахтин М.М., *К вопросам методологии эстетики словесного творчества. 1. Проблемы формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве*, [в:] *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 1, Москва 2003, с. 265–325.
- Гачев Г.Д., *Национальные образы мира*, Москва 1988.
- Гусейнов Ч.Г., *Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня*, Москва 1988.
- Ионин Г.Н., *Миф и новый замысел Ю. Шесталова*, [в:] *Литература народов Севера*, вып. 2, Санкт-Петербург 2003, с. 20–24.
- Исупов К.Г., *Смерть Другого*, [в:] *Бахтинология: исследования, переводы, публикации*, Санкт-Петербург 1995, с. 103–116.
- Лагунова О.К., *Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)*, Тюмень 2007.
- Лейдерман Н.Л., *Русскоязычная литература – перекресток культур*, [в:] *Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*, вып. 8, Екатеринбург 2005, с. 48–59.
- Лихачев Д.С., *Земля родная*, Москва 1983.
- Лихачев Д.С., *О конкретном литературоведении*, [в:] *Избранные работы в 3 т.*, т. 3, Ленинград 1987, с. 221–227.
- Лурье С.В., *Историческая этнология*, Москва 1998.
- Национальные культуры и межнациональные отношения: «Круглый стол», «Вопросы литературы» 1989, № 10*, с. 3–47.
- Пошатаева А.В., *Литература и фольклор (Взаимодействие современных литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с устным народным творчеством)*, Москва 1981.
- Рыбальченко Т.Л., *Поиск метафизической картины мира в русской литературе 1950–1980-х годов*, [в:] *Проблемы метода и жанра*, вып. 19, Томск 1997, с. 280–296.
- Соколянский М.Г., *О признаках национальной атрибуции литературного творчества*, [в:] *Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*, вып. 8, Екатеринбург 2005, с. 59–76.
- Султанов К.К., *Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы*, Москва 2001.
- Элиаде М., *Священное и мирское*, Москва 1994.

Русскоязычный писатель в России последней трети XX века: стратегии рефлексии феномена

Резюме

В статье выделяются и характеризуются парадигмы рефлексии художественной практики русскоязычных писателей России с акцентом на опыте младописьменных литератур страны, а также особенности перехода от одной парадигмы к другой. Автором впервые обозначаются концепции литературного творчества национальных художников, функционирующие в научной среде, и предлагается оригинальная концепция посвященности в качестве наиболее адекватно описывающей поиски младописьменных литератур.

Ключевые слова: русскоязычный писатель, парадигма, посвященность, онтологичность

The Russian-speaking writer in Russia of the last thirds of the 20th century: the strategy of reflection of a phenomenon

Abstract

This is the first attempt to describe the methodological shifts in the research paradigms of Ethnic Literature studies. The research material includes the critical works on the literature of small-numbered indigenous peoples of Russia. The author analyzes the different concepts of ethnic literatures and suggests the original concept of “a sacral artist” as an adequate model for revealing the aesthetic essence of literary works of small-numbered indigenous peoples.

Key words: the Russian-speaking writer, a paradigm, consecration , ontology

Ольга Лагунова
Тюменский государственный университет
доктор филологических наук
e-mail: Kafedra326@mail.ru
+7 3452 46 20 87